

§ 8. Влияние литературной монополии на общественное благосостояние

Я, думаю, достаточно объяснил (по крайней мере для каждого человека, мысль которого не заключена в тесном кругу материальных интересов), каким образом создание художественной и литературной собственности есть ни что иное как отрицание от высоких идей, которые составляют достоинство человека, освобождая его от рабства перед потребностями тела и требованиями домашнего хозяйства. Я хочу теперь показать каким образом эта же самая собственность ведет к усилению пауперизма.

В былое время, которое я еще хорошо помню, прежде чем торгашество, с своими ростовщическими приемами, вторглось во всевозможные отношения между различными классами общества, отношения эти имели совершенно другой характер. Товары продавались и отпускались, договоры заключались не так как теперь, во всем было больше мягкости. Каждый мерил щедрой рукой, и купец, и ремесленник, и поденщик, и слуга, никто не щадил своего труда. Весы всегда склонялись в пользу покупателя; никто не торговался из-за пяти минут или из-за сантиметра; всякий честно, с избытком зарабатывал свое жалование или свою поденную плату. Патроны, антрепренеры, хозяева, с своей, стороны держались тех же правил в отношении своих рабочих, приказчиков и слуг, сверх условленной платы давались еще особые прибавки на водку, на булавки. Этот обычай сохранился и до сих пор, но подобные надбавки в настоящее время сделались обязательными и считаются составною частью самой платы. Оптовой торговец в былое время также отмеривал товар щедрою рукою, прибавляя всегда известный привесок к дюжине, к сотне, к тысяче. Последствием таких обычаев было положительное увеличение народного богатства, так как каждый производитель, начиная от слуги и рабочего и кончая самым богатым фабрикантом, как будто бы подарил обществу $\frac{1}{2}\%$, 1 % или даже 2 % со своего ежедневного заработка, или уделил обществу соответствующую часть своего ежедневного дохода. И заметьте притом, что подобная щедрость существовала рядом с духом бережливости, так как роскоши в это время вовсе не было, всякий скупился на расходы на самого себя для того, чтобы быть в состоянии что либо уделить другим. В таких принципах крылась причина дешевизны продуктов, общественного благосостояния и высокого уровня нравственности. В то время больше трудились и сберегали, меньше расходовали и меньше грабили, а вследствие того всякий сознавал, что он честный и

хороший человек и был счастлив. При отсутствии скупости, не существовало ни нахальства, ни низости; мелкие люди не воровали, большие не грабили; предположения антрепренера, отца семейства, всегда оправдывались. Щедрость в отношении к другим относилась в бюджет каждого гражданина. Никто не ошибался в своих расчётах потому, что условившись в цене и количестве товара всякий знал, что неуловимая убыль, которая неизбежно сопряжена со всяким производством, приобретением, перенесением, потреблением и которая в случае частого повторения может сделаться обременительною, покрывается тою незначительною сбавкою цены, которая делалась без всякого разговора.

Все это, как легко видеть, изменилось ко вреду всей страны и каждого из нас в отдельности. Новое направление в торговле, по которому все высчитывается не только на франки и сантимы, но даже и на дробь сантимов, в котором принято за основное правило, что время те же деньги и следовательно, всякая минута имеет свою цену; новый дух мелкого торгашества, ловкого барышничества изменил условия общественного благосостояния и нравственности. От скупости мало-помалу перешли к мошенничеству. Каждому свое, говорим мы, и осуществляем эту вечную аксиому тем, что отмериваем все с безнадежною точностью. По честности своей мы ничего не убавим, но и не дадим ничего, кроме условленного, цифрами определенного количества. Само собою, что эта идеальная точность, не осуществимая на деле всегда обращается во вред покупателя. Слуга всегда находит, что работает слишком много, по тому жалованию, которое получает; он ложится спать и встает когда ему вздумается, выговаривает себе право отлучаться из дому два раза в месяц, требует подарков к праздникам, приобретает в свою собственность все то, в чём господину его миновалась надобность, берет в свою пользу те сбавки, которые делают поставщики, словом обогащается на счёт своих господ. Работник и приказчик, высчитывают каждую минуту; они ни за что не войдут в мастерскую до звонка, ни минуты не останутся в ней долее положенного срока; хозяин вычитает из заработной платы за всякий час, пропущенный рабочим, за то и рабочий, с своей стороны, не подарит хозяину ни минуты; от такой мелочности конечно страдает дело потому, что работа ведется нехотя и кое-как. От надувательства в качестве товара мало-помалу переходят к надувательству и в количестве; всякий старается отнести на счёт другого неизбежную убыль и дефектные экземпляры; дорожа своими трудами всякий старается обмерить, обвесить, надуть другого. Получив нечаянно фальшивую монету, никто ее не уничтожит, а всякий старается сбыть другому. Человек, которого нанимают поденно или понедельно, надеясь на его добросовестность, попусту тянет время. Работник, получающий задельную плату, заботится только о количестве, но не о качестве продуктов и для того, чтобы сделать более, работает на скоро и плохо.

Все это неизбежно влечёт за собою такой ущерб, который сначала не замечается, но со временем непременно проявится в дороговизне продуктов и во всеобщем обеднении. Это все равно, что если бы каждое из лиц, участвующих в производстве и обмене продуктов, каждый работник или работница, каждый приказчик, каждый чиновник и т. д. ежедневно крал бы у общества ценность, равняющуюся стоимости четверти рабочего часа.

Предположим, что эта четверть часа стоит 10 сантимов, а производителей во Франции 25,000,000 в таком случае годовая убыль будет равняться 912,000,500 франкам. Одно это обстоятельство могло бы служить объяснением стеснительного положения страны.

Заметьте притом, что скряжничая в деле труда, мы с другой стороны, не жалеем расходов

на предметы роскоши; мы именно потому-то и делаемся расчётливы и скупы, что потребности наши разрослись. Таким образом, вдаваясь в роскошь, мы мало-помалу впадаем в безнравственность и незаметно приближаемся к нищете.

Литература и искусство должны бы стараться поддерживать и развивать добрые старые обычаи, содействовать созреванию и развитию этого драгоценного семени, кроющегося в сердцах людей. В этом случае голос писателя или артиста имел бы авторитет, так как произведения этих людей непродажны и потому им всего приличнее проповедовать умеренность и бескорыстие. Сами подавая пример самопожертвования они были бы истинными апостолами общественной благотворительности. Но писатели пойдут совершенно иным путем когда закон освятит принцип литературной собственности, который поведет к совершенному уничтожению благородного и великодушного элемента в общественных отношениях.

Слишком много думая о своем таланте, соразмеряя количество требуемого вознаграждения с тем чрезмерно-высоким понятием, которое сами они имеют о своих произведениях, литераторы и художники только о том и мечтают, чтобы быстро нажить себе состояние. Так как и общество того же мнения, то у нас вместо литературы является промышленность, удовлетворяющая нашему стремлению к роскоши и способствующая развращению общества.

Журналисту платят со строки, переводчику с листа, за фельетон платят от 20 до 500 франков. Один из моих приятелей упрекал Нодье в том, что он испещряет наречиями свой растянутый и тяжёлый слог; на это Нодье отвечал, что слово, состоящее из восьми слогов, может составить строку, а строка стоит франк.

Издатели умеют растягивать строки, увеличивать шрифты и таким образом по произволу умножать число листов и томов. Цена книги в настоящее время определяется уже не количеством издержек на издание с присовокуплением того вознаграждения, которое следует автору, но соразмеряется с степенью известности сочинения, со внешним видом и весом книги. Соблюдая уважение к мыслям автора и заботясь о карманах подписчиков издатель «Истории консульства и империи». (*Histoire du Consulat et de l'Empire*) назначил 2 франка за большой том в 600 и даже в 900 страниц. Спекулятор, издавший «Несчастных» (*Les Misérables*), растянул на 10 томов и продает за 60 франков роман, который легко уместился бы в 4 томах и мог бы стоить 12 франков. Из этого простого сближения можно ясно видеть, как действуют честные люди и как поступают барышники.

В настоящее время жалуются на то, что вся образованная молодежь ищет блистательной карьеры, что она никак не берется за ручной труд, что вследствие этого общественному порядку и добрым нравам грозит сильная опасность. Думали свалить всю вину на Греков и Римлян, но это совершенно нелепо. Виноват во всем этом не Виргилий, не Цицерон, не Демосфен, а тот промышленный дух литературы, развитию которого думают положить предел установлением бессрочной монополии. Между тем как серьёзных сочинений появляется все меньше и меньше, а произведений литературно-промышленных — гибель, литературный мир переполнен талантами совершенно нового рода. В наше время редко пишут по вдохновению; писатель, у которого встречаются оригинальные мысли, облакаемые в оригинальные же формы, может считаться фениксом; за то мы отлично умеем прикрывать

пустоту содержания формами, заимствованными у великих мастеров, скопированными с знаменитых оригиналов. Все у нас продажно, из всего мы умеем сделать ремесло. Мы стоим ниже бродяг, — мы впали в проституцию и трудно решить, можно ли поставить толпу наших голодных литераторов выше тех несчастных танцовщиц, которым директора театров платят по 2 франка за вечер или даже и ничего не платят, так как они довольны и тем, что имеют случай показать публике свои прелести: эти несчастные женщины торгуют своим телом, но по крайней мере не искусством. Они по крайней мере могут сказать с Лукрецией : *Corpus tantum violatum, animus insons*.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 04:59:58

Зверобой обновил 24 марта 2025 05:02:43